

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020755-6

“Добрая ночь” Байрона и Козлова как русская народная песня

© 2022 г. Д. А. Супрунова

Старший преподаватель
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
ORCIDID: 0000-0003-4978-8276
dariasuprunova@gmail.com

Резюме. В статье прослеживается путь трансформации отрывка из поэмы Д.Г. Байрона “Паломничество Чайльд-Гарольда” в русскую песню, ставшую народной. Анализируется процесс адаптации авторского перевода, сделанного Иваном Ивановичем Козловым, к народной среде, его дальнейшее распространение и функционирование как фольклорного текста. Обращается внимание на изменения сюжета, образной системы и композиции первоисточника.

Ключевые слова: Байрон, Иван Козлов, С.А. Есенин, Ф.М. Достоевский, перевод, адаптация, народная песня.

Для цитирования: Супрунова Д.А. “Добрая ночь” Байрона и Козлова как русская народная песня // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 24–31. DOI: 10.31857/S160578800020755-6

“Good Night” by Byron and Kozlov as a Russian Folk Song

© 2022 Dariya A. Suprunova

Senior Lecturer at The Pushkin State Russian Language Institute,
6 Volgin Str., Moscow, 117485, Russia
dariasuprunova@gmail.com

Abstract. The article reveals the way of transformation of an excerpt from George Gordon Byron’s poem *Childe Harold’s Pilgrimage* into a Russian song that has become a folk song. The author analyzes the process of adaptation of the author’s translation made by Ivan I. Kozlov to the folk environment and its further distribution and functioning as a folklore text. Attention is drawn to the changes in the figurative system, subject and composition of the original source.

Key words: Byron, Ivan Kozlov, S.A. Esenin, F.M. Dostoyevsky, translation, adaptation, folk song.

For citation: Suprunova, D.A. “*Dobraya noch’*” *Bairona I Kozlova kak russkaya narodnaya pesnya* [“Good Night” by Byron and Kozlov as a Russian Folk Song]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 24–31. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020755-6

Устное народное творчество во все времена служило плодотворной почвой и основой для авторских литературных произведений. Фольклорные, этнографические мотивы вплетались в сюжет, композицию, систему образов, становились частью языка и стиля произведений. Но существовала и обратная ситуация, когда авторские тексты переходили в фольклор, начинали жить по его законам, функционировать как произведения устного народного творчества. Одно из них — песня

“Проснётся день красы моей...”, в основе которой лежит знаменитая “прощальная песня” из поэмы Джорджа Гордона Байрона “Паломничество Чайльд-Гарольда” (опубликована в 1812–1818 гг.). В настоящей статье прослеживается трансформация авторского перевода и этапы его перехода в народную культуру. К анализу привлекаются не только архивные, но и современные фольклорные записи с целью демонстрации современного состояния живой исполнительской традиции.

Произведения Байрона, пользовавшиеся популярностью в России, переводились многими известными поэтами, в числе которых видное место занимает Иван Иванович Козлов (1799–1840), поклонник и один из первых популяризаторов наследия великого английского романтика. Его переводы заслуживали одобрительные и восторженные отзывы не только русских, но и зарубежных критиков-современников (подробно об этом см.: [1]).

В последние два десятилетия теме рецепции Байрона в русской культуре и в творчестве И.И. Козлова в частности было посвящено несколько крупных исследований ([1]; [2]; [3]; [4]). Представленный в них кропотливый анализ 23 переведенных Козловым текстов Байрона, а также стихотворения “Бейрон”, являющегося метапереводом, показал, что И.И. Козлов не столько создает произведение, эквивалентное источнику, сколько передает собственные впечатления и восприятие творений английского романтика. Возникает некий “миф Козлова о Байроне, об основных образных и стилистических тенденциях творчества английского гения, т.к. поэт, от имени Байрона говорящий с русским читателем, имеет к истинному байроновскому творчеству не совсем прямое отношение” [5, с. 21].

Ситуация в России 1820-х годов “предопредила одностороннее восприятие байронического мирообраза и такое же однозначное восприятие личности самого Байрона” [6, с. 165]. В круге байроновских текстов, отобранных И.И. Козловым для трансляции, преобладали мотивы грусти и одиночества, прощания и разлуки, воспоминаний и тоски по родине, покинутого отчего дома, роковой предначертанности судьбы человека, тщетных поисков идеала. В переводах нашли отражение также собственные романтические идеи и биографические черты русского стихотворца и образ Байрона-скитальца, личности в первую очередь трагической, одинокой, меланхолической и страдающей. Другим сторонам его жизни внимание не уделялось.

Переводчика привлекали те произведения, которые имели указание на музыкальное сопровождение или напевное исполнение. Такой выбор отчасти обусловлен обстоятельствами жизни русского поэта: он был слепым, а потому не мог видеть первоисточник в печатном виде и переводил его, скорее всего, со слуха или по памяти. Вокальный перевод был наиболее доступным для него, позволял достичь адекватного источнику эстетического и стилистического эффекта на русском языке.

Отрывок из первой песни “Паломничества Чайльд-Гарольда” — вставная песня, расположенная между 13 и 14 строками основного текста поэмы и исполняемая главным героем на борту корабля в сопровождении арфы, — под пером Козлова стала самостоятельным стихотворением малой лирической формы.

Приводим здесь оригинальный текст Байрона, поскольку его редко можно увидеть рядом с переводом И.И. Козлова.

Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue;
The night-winds sigh, the breakers roar,
And shrieks the wild sea-mew.
Yon sun that sets upon the sea
We follow in his flight;
Farewell awhile to him and thee,
My Native Land — Good Night!

A few short hours, and he will rise
To give the morrow birth;
And I shall hail the main and skies,
But not my mother earth.
Deserted is my own good hall,
Its hearth is desolate;
Wild weeds are gathering on the wall,
My dog howls at the gate.

'Come hither, hither, my little page:
Why dost thou weep and wail?
Or dost thou dread the billow's rage,
Or tremble at the gale?
But dash the tear-drop from thine eye,
Our ship is swift and strong;
Our fleetest falcon scarce can fly
More merrily along.'

'Let winds be shrill, let waves roll high,
I fear not wave nor wind;
Yet marvel not, Sir Childe, that I
Am sorrowful in mind;
For I have from my father gone,
A mother whom I love,
And have no friend, save these alone,
But thee—and one above.

'My father blessed me fervently,
Yet did not much complain;
But sorely will my mother sigh
Till I come back again.'—
'Enough, enough, my little lad!

Such tears become thine eye;
 If I thy guileless bosom had,
 Mine own would not be dry.

‘Come hither, hither, my staunch yeoman,
 Why dost thou look so pale?
 Or dost thou dread a French foeman,
 Or shiver at the gale?’—

‘Deem’st thou I tremble for my life?
 Sir Childe, I’m not so weak;
 But thinking on an absent wife
 Will blanch a faithful cheek.

‘My spouse and boys dwell near thy hall
 Along the bordering lake;
 And when they on their father call,
 What answer shall she make?’—

‘Enough, enough, my yeoman good,
 Thy grief let none gainsay;
 But I, who am of lighter mood,
 Will laugh to flee away.’

For who would trust the seeming sighs
 Of wife or paramour?
 Fresh feres will dry the bright blue eyes
 We late saw streaming o’er.

For pleasures past I do not grieve,
 Nor perils gathering near;
 My greatest grief is that I leave
 No thing that claims a tear.

And now I’m in the world alone,
 Upon the wide, wide sea;
 But why should I for others groan,
 When none will sigh for me?
 Perchance my dog will whine in vain
 Till fed by stranger hands;
 But long ere I come back again
 He’d tear me where he stands.

With thee, my bark, I’ll swiftly go
 Athwart the foaming brine;
 Nor care what land thou bear’st me to,
 So not again to mine.

Welcome, welcome, ye dark blue waves!
 And when you fail my sight,
 Welcome, ye deserts, and ye caves!
 My Native Land — Good Night!

Впервые русский текст был напечатан в альманахе “Северные цветы” за 1825 год с подписью автора и заголовком, имевшим прямую отсылку к источнику: “Goodnight. Добрая ночь <...> (Из Байрона)” [7]. Приведем переложение байроновского отрывка, выполненное И.И. Козловым (в современной орфографии).

“Прости, прости, мой край родной,
 Уж скрылся ты в волнах!
 Касатка вьется, ветер ночной
 Играет в парусах.
 Уж тонут огненны лучи
 В бездонной синеве,
 Мой край родной, прости, прости!
 Ночь добрая тебе.”

“Проснется день, его краса
 Утешит Божий свет,

Увижу море, небеса,
 А родины уж нет.
 Отцовский дом покинул я,
 Травой он зарастет,
 Собака верная моя
 Выть станет у ворот.”

“Ко мне, ко мне, Паж юный мой!
 Но ты дрожишь как лист;
 Иль страшен рев волны морской?
 Иль ветра буйный свист?
 Не плачь! корабль мой нов! плыву
 Уж я не в первый раз,
 И быстрый сокол на лету
 Не перегонит нас.”

— Не буйный ветер страшит меня,
 Не шум угрюмых волн.
 Но не дивись, сир Чальд, что я
 Тоски сердечной полн.
 Прощаться грустно было мне
 С родимою, с отцом.
 Теперь надежды все в тебе
 И в ком-то неземном.

— Не скрыл отец тоски своей
 Как стал благословлять,
 Но доля матери моей
 День плакать, ночь не спать. —

— Ты прав, ты прав, мой Паж молодой!
 Как сметь винить тебя?
 С твоей невинной простотой,
 Ах! плакал бы и я.

“Но вот, и кормщик мой сидит,
 Весь полон черных дум.
 Иль буйный ветер тебя страшит,
 Иль моря грозный шум?”

— Сир Чальд! не робок я душой,
 Не умереть боюсь:
 Но я с детьми, но я с женой
 Впервые расстаюсь!

— Проснутся завтра, на заре,
 И дети и жена,
 Малышки спросят обо мне,
 И всплачется она! —

“Ты прав, ты прав! и как пенять,
 Мой добрый удалец;
 Тебе, друг, можно горевать!
 И муж ты и отец!”

“Но я! ах трудно верить мне
 Слезам прелестных глаз!
 Любовью новою оне
 Осушатся без нас!
 Лишь тем одним терзаюсь я,
 Не в силах то забыть,
 Что нет на свете у меня,
 О ком бы потужить!”

“И вот на темных я волнах
 Один, один с тоской,
 И кто же, кто по мне в слезах
 Теперь в стране родной!
 Что ж рваться мне, жалеть кого?
 Я сердцем опустел,
 И без надежд, и без всего,
 Что помнить я хотел!”

“О мой корабль! с тобой я рад
Носиться по волнам!
Лишь не плыви со мной назад
К родимым берегам!
Далеко на скалах, в степи
Приют сыщу себе:
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебе!”

Переводчик сохранил ритмический строй оригинала — чередование четырехстопного и трехстопного ямба, что передает атмосферу “характерного байроновского стиха, сжатого и энергичного” [6, с. 169]. Извлечение отрывка из поэмы и его преобразование в завершенное произведение всегда сопровождается устранением первоначальных связей с контекстом целого, сменой стилистического и смыслового регистров. Изложение Козлова можно отнести к адаптивному типу перевода, который характеризуется заменой некоторых неприводимых элементов другими, более близкими к реалиям воспринимающей культуры.

В фольклоре “Добрая ночь” лишилась имени автора, заглавия и первой строфы и стала называться, как большинство народных песен, по первой строке: “Проснется день красы моей...”. Примечательно, что она не обнаружена в крупных сборниках народных песен, составленных в 1830-х годах П.В. Киреевским, П.И. Якушкиным, М.А. Стаховичем и С.В. Максимовым из полевых записей¹. В то же время другая песня И.И. Козлова, “Вечерний звон”, созданная на три года позже “Доброй ночи” и представляющая собой переложение элегии Томаса Мура “Those Evening Bells”, в этих сборниках уже фигурирует. Отчасти это объясняется тем, что “Вечерний звон” был сразу положен на музыку композиторами А.Т. Гречаниновым и Станиславом Монюшко, в то время как “Добрая ночь” не имела такой единственной закреплённой за ней мелодии, а потому в разных ареалах бытования исполнялась на различные народные распевы и не сразу приобрела статус песни. “Прекрасный, мелодичный стих” Козлова, отмеченный В.Г. Белинским [8, с. 315], стал ритмической основой, обеспечившей лёгкость переложения его текстов на музыку. Все это позволяет сделать вывод о неравномерной скорости распространения авторских песен в народной среде, а также о различной степени их известности.

“Добрая ночь” обнаруживается начиная с 70-х годов XIX века в светских песенниках и сборниках романсов для музицирования [9, с. 58]; [10, с. 19–20]. К этому времени она претерпела значительные

изменения: диалогическая структура стихотворения Козлова (разговор “сира Чайльда” со слугой и кормчим) сменилась монологом от лица лирического героя, тоскующего по “стране родной”, где он родился и где “терпеть мученья без вины / Навеки осужден” [10, с. 20]. Первая строфа народной песни (8 строк) полностью совпадает со второй строфой стихотворения Козлова, далее наблюдаются расхождения. Элиминирован диалог лирического героя с пажом и описание быстрого и прочного корабля. Слова о разлуке с детьми и женой, в оригинале принадлежащие кормчему, вложены в уста самого певца. Происходит трансформация образа лирического героя: из одинокой личности, опустевшей сердцем, лишенной родных и тех, о ком можно было бы плакать, он становится жертвой судьбы и несправедливых обвинений, насильно разлученным с родиной и семьей. Вместо одиночества и сожаления в финальных строках акцент делается на мотивах тоски и злой судьбы.

“Добрая ночь”: О мой корабль! с тобой я рад
Носиться по волнам!
Лишь не плыви со мной назад
К родимым берегам! [7, с. 272]

“Проснется день...”: Судьба несчастная моя
К разлуке привела,
И разлучила молодца
Чужая сторона. [10, с. 20]

Расхождения в текстах авторского стихотворения и песни говорят о том, что “Добрая ночь” первоначально была воспринята простыми людьми на слух, далее передавалась в устной форме и через некоторый промежуток времени в изменённом виде была зафиксирована в песенниках. На это указывает опущенная первая строфа оригинального текста при сохранении узловых моментов сюжета и системы образов. Кроме того, в народную песню добавляется образ филина (или ворона), в фольклоре символизирующего близкое несчастье и смерть, вплетаются мотивы осуждения, ссылки и безвинного наказания, привнесённые из романа и народной “тюремной” (каторжной) песни. Подтверждением жанровых контаминаций служат слова Н.М. Ядринцева о том, что эта песня, также называемая “Собачка”, была “самой любимой в острогах”² [11, с. 152].

² Ф.М. Достоевский в романе “Записки из мертвого дома” (1860–1862) называет песню “классической” и передает впечатление от исполнения ее каторжанами: “Эта песня пелась у нас часто, но не хором, а в одиночку. Кто-нибудь, в гулевое время, выйдет, бывало, на крылечко казармы, сядет, задумается, подопрет щеку рукой и затынет ее высоким фальцетом. Слушаешь, и как-то душу надрывает. Голоса у нас были порочные” [12].

¹ См., например, “Песни, собранные П.В. Киреевским (в трех частях, в десяти выпусках)” (1860–1874), “Народные русские песни из собрания П. Якушкина” (1865) и др.

Исследователь сибирского острожного быта и нравов приводит три варианта, которые несут в себе “следы и ссыльного, и тюремного, и бродяжеского элемента” [11, с. 153–155].

Дальнейшее распространение “Доброй ночи” связано с казачьей культурой и регионами проживания русского казачества, отчего песня со временем приобрела известность как казачья народная. В соответствии с двумя крупными общностями (донское казачество и сибирское казачество) сформировались два основных варианта, различающихся между собой распевами, начальными строками и деталями сюжета.

У казаков юга России и верховьев Дона (Липецкая, Волгоградская, Ростовская области, Краснодарский край) песня часто начинается со слов “Проснется день красы моей...”, представляющих собой видоизмененную строку из стихотворения Козлова. Трансформация отражает специфику народного устного восприятия песни: текст подстраивается под музыкальные фразы, и ритмические паузы соответствуют длине строк, каждая из которых должна обладать смысловой завершенностью. В оригинале поэт использует анжамбеман (перенос), при котором синтаксическое и ритмико-смысловое строение текста не совпадают, вследствие чего он в процессе наложения на музыку подвергается изменениям.

“Добрая ночь”: Проснется день, его краса
Утешит божий свет,
Увижу море, небеса,
А родины уж нет. [7, с. 270]

“Проснется день...”: Проснется день красы мойей,
Украшен весь он Богом свет.
(Я) вижу моря я, небеса,
Но родины мойей... её здесь нет. [13]

Очевидно, песня приобрела популярность именно среди казачества, поскольку воинам-казакам, часто бывавшим в походах и на чужбине, была близка и понятна тема разлуки с родным домом. Ей посвящено множество протяжных песен – особого жанрового подвида, доминирующего среди казацких напевов и характеризующегося мужской воинской тематикой [14, с. 134]. В финале донских вариантов антитеза “родина – чужая сторона” приобретает иную окраску: родная сторона выступает как место, где герой (мальчик) “был зарождён”, а мотив осуждения и смерти связан с чужбиной, что усиливает противопоставление “своего” и “чужого”, родного и враждебного:

Не быть мне, братцы, в той стране родной,
В которой был я зарождён.
В которой был я зарождён...

А быть мне, братцы, в той стороне да чужой,
В которой был я да осуждён. [15]

Стоит отметить, что в разных регионах и даже в разных населенных пунктах одного региона количество исполняемых куплетов песни может варьироваться от двух до четырех, что сказывается на содержательном и композиционно-ритмическом аспектах произведений. В соответствии с закономерностями народной песни текст распадается на куплеты из двух или трех строк, где последняя строка дублируется, становясь первой в следующем куплете. При сокращении текста (до 8 строк оригинального стихотворения) максимальная эмоционально-смысловая нагрузка переносится на распев и его мелодические вариации. На первый план выходит контраст величественного рассветного, Богом созданного пейзажа и тоски в душе лирического героя. Ей вторят печальные образы покинутого отцовского дома, олицетворяющего для героя все самое дорогое, и верной собаки³, поминающей своего любимого хозяина. Появляется даже имя четвероногого друга:

Отцовский дом покинул я,
Травую домик зарастёт.
Собачка, верной Шарик мой,
Залает а он у ворот. [15]

В силу протяжности исполнения теряется ритмичность стихотворного размера, ослабевает рифма. Второстепенные сюжетные ходы (причины расставания с отчизной) и образы (филин, семья, чужая земля), фигурирующие в других куплетах, отсекаются, сохраняются центральные мотивы, наиболее важные для исполнителей и их родной культуры. Лирическая песня как жанр, отражающий в первую очередь эмоциональное состояние и переживания персонажа в определенный момент времени, редуцирует фрагменты, связанные с повествованием о событиях или активным развитием действия.

Те же принципы “отсеивания” материала для народной песни из авторского текста прослеживаются в более северной её вариации,

³ Известен любопытный отголосок одновременно из Байрона и Козлова в стихотворении Есенина “Возвращение на родину” (1924): “По-байроновски наша собачонка / Меня встречала с лаем у ворот”, отмеченный уже в 1926 г. Н.С. Ашукиным (см. комментарии С.И. Субботина к ПСС С.А. Есенина [17, с. 404–405]). Заметим, что в оригинале Байрона собака упомянута дважды, во 2 и 9 строках песни: “My dog howls at the gate”; “Perchance my dog will whine in vain”. У Козлова – один раз во 2 строфе: “Собака верная моя / Выть станет у ворот”; у Есенина – дважды, припевом: в середине и в конце стихотворения.

распространенной среди казаков Сибири, на Алтае. Примечательно, что третья строка звучит как "Увижу горы, небеса" (а не море), что вполне понятно ввиду географических особенностей Алтайского края. Песня из сугубо лирической становится рекрутской, о чем свидетельствует пометка собирателя В.М. Щурова: "пели, провожая казаков на службу" [18]. Вероятно, с этим связана трансформация первого слова первой строки, намекающего на последний день на воле: "Последний день красы моей..." (а не "проснется"). Появляются два дополнительных куплета, описывающих прощание с родными:

Горячи слёзы на пол лью,
Утру я да слёзы да рукавом,
Прощаюсь та с матерью, с отцом.
Прощаюсь с матерью, с отцом...
Прощай-ка ты, мать, прощай, родной отец.
Прощай-ка, родима да сторона. [18]

Анализ стихотворения И.И. Козлова "Добрая ночь", представляющего собой отрывок из поэмы Дж. Г. Байрона "Паломничество Чайльд-Гарольда", и песенных текстов на его основе демонстрирует одну из граней рецепции творчества Байрона в России, а именно — переход авторского иноязычного произведения в народный песенный репертуар. Первой ступенью этого процесса можно считать извлечение Иваном Ивановичем Козловым отрывка из контекста поэмы и его перевод на русский язык в качестве самостоятельной песни, снабженной авторским заглавием. После журнальной публикации в 1825 году песня, по свидетельству А.Н. Веселовского, "пользовалась огромной популярностью не только в обществе, но стала любимой народною песнью и до сих пор распеваётся фабричными и мелким городским людом" [19, с. 585]. Ключевые мотивы разлуки, несчастной судьбы и чужбины как антитезы родной земле, исторически свойственные русскому фольклору, обеспечили легкость восприятия и постепенный переход песни в крестьянскую среду, а также в мир закрытых социальных групп (заклученные, ссыльные, бродяги). В 1870-е годы текст, лишившийся названия и имени автора, поменявший композиционно-смысловую структуру, был зафиксирован в песенниках и сборниках произведений для эстрадного и домашнего исполнения. На следующем этапе песня "Проснется день красы моей...", имеющая идейно-тематическое и мелодическое сходство с казачьими протяжными, приобрела характерную для фольклорных жанров вариативность и прочно закрепилась в репертуаре казачьих общин Дона и Сибири. В финале череды метаморфоз первоначальный текст, утерявший связь с источником, приобрел способность

менять жанровую определенность, исполняться в качестве рекрутской или солдатской песни. В зависимости от области распространения количество куплетов сокращалось либо дополнялось новыми, порожденными народным творчеством и "подсказанными" условиями бытования.

На литературную основу песни Козлова—Байрона с течением времени накладывались мотивы и образы, важные для русской культуры как реципиента и для казачьей песенной традиции. Лирический герой, родившийся на берегах Туманного Альбиона под пером гениального поэта-романтика, благодаря русско-английским связям совершил настоящее "паломничество", переродившись и обретя второй дом и новую жизнь в устном творчестве русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мойсевич В.Г.* И.И. Козлов — переводчик британских поэтов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Омск, 2006. 231 с.
2. *Бобылева С.В.* Творчество И.И. Козлова в контексте русско-английских литературных связей: дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01. Саратов, 2008. 201 с.
3. *Люсова Ю.В.* Рецепция Байрона в России 1810—1830-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Нижний Новгород, 2006. 195 с.
4. *Тихомирова Ю.А.* Жанровые разновидности романтического перевода (на материале переводов И.И. Козлова из английских поэтов): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 2008. 200 с.
5. *Тихомирова Ю.А.* Жанровое своеобразие русского романтического поэтического перевода // Вестник ТГУ. № 305. 2007. С. 20—22.
6. *Тихомирова Ю.А.* Стратегии адаптации поэтического текста и феномен переводческого мифа (на материале переводов И.И. Козлова) // Вестник ТГПУ. 2012. Выпуск 3 (118). С. 165—169.
7. *Козлов И.И.* Good night. Добрая ночь <...> (Из Байрона) // Северные цветы. СПб., 1825. С. 269—273.
8. *Белинский В.Г.* О творчестве И.И. Козлова // Отечественные записки. 1841. Т. XV. № 2. С. 312—320.
9. Песни родины, или Полный русский народный песенник, содержащий в себе: песни, романсы и водевильные куплеты / сост. А.И. Головин. СПб.: Издание В.Г. Шатаева, 1884. 63 с.
10. Шик! Новейший русский песенник: Собрание лучших и любимейших романсов, шансонеток и куплетов, исполняемых на сценах театров, в клубах и в домашнем кругу. С.-Петербург: Рус. скоропеч. (П.С. Нахимов), 1877. 67 с.

11. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / Сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 752 с.
12. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 4. Записки из мертвого дома. Л.: Наука, 1972. С. 111.
13. Проснётся день красы маёй (протяжная песня) / исполнители и автор записи ансамбль старинной казачьей песни “Казачья справа”. г. Волгоград. Запись июля 2019 г. // Официальная видеостраница ансамбля “Казачья справа” / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9zd8kQ7r2jQ>
14. Кабанов А.С. Структура песенного репертуара в традиционных фольклорных коллективах донских казаков // Репертуар художественной самодетельности: современность традиций: Сб. науч. тр. Вып. 127. М.: НИИК, 1983. С. 131–157.
15. Последний день красы моей (лирическая песня) / исполнители и автор записи творческое объединение “Арепей”. Село Ратчино, Добровский район, Липецкая обл. Запись июня 2020 г. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jExts4aPhv8>
16. Проснётся день красы маёй / исполнитель казачий семейный ансамбль “Сокол”. Хутор Мрыховский, Ростовская обл.; автор записи Александр Маточкин. Запись апреля 2017 г. // Сообщество “Ладно-Хорошо” / URL: https://m.vk.com/wall-48536705_9601
17. Субботин С.И. Комментарии // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М.: Наука: Голос, 1995. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). 1997. С. 255–461.
18. Песни алтайских казаков: песни с. Тулата Чарышского района и с. Слюдянка Усть-Калманского района Алтайского края / автор записей и составитель В.М. Шуров. Записи 1966 г. (с. Тулата, № 1–19) и 1977 г. (с. Слюдянка, № 20–27). Audio CD-R, 2010. // Краеведческий альманах “Чарышское” / URL: <https://charysh.1553.ru/музыка/дискография/audio-cd-г-2010-песни-алтайских-казаков>
19. Веселовский А.Н. Русские переводы Байрона // Байрон Д.-Г. Сочинения: в 3 т. / Библиотека великих писателей под редакцией С.А. Венгерова. Спб., Издание Брокгауза-Ефрона, 1903–1905. Т. 1. 1903. С. 582–601. С предисловием профессора Алексея Н. Веселовского.
2. Bobyleva, S.V. *Tvorchestvo I.I. Kozlova v kontekste russko-angliiskikh literaturnykh svyazei: dis. ... kand. filol. nauk: 10. 01. 01* [I.I. Kozlov's Creative Work in the Context of Russian-English Literary Relations: PhD]. Saratov, 2008. 201 p. (In Russ.)
3. Liusova, Iu.V. *Retseptsia Bairona v Rossii 1810–1830-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03* [Byron's Reception in Russia of the 1810s–1830s: PhD. Nizhni Novgorod, 2006. 195 p. (In Russ.)
4. Tikhomirova, Iu.A. *Zhanrovye raznovidnosti romanticheskogo perevoda (na material perevodov I.I. Kozlova iz angliiskikh poetov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [Genre Varieties of Romantic Translation (Based on the Material of I.I. Kozlov's Translations): PhD]. Tomsk, 2008. 200 p. (In Russ.)
5. Tikhomirova, Iu.A. *Zhanrovoye svoeobrazie russkogo romanticheskogo poeticheskogo perevoda* [Genre Originality of the Russian Romantic Translation]. *Vestnik TGU* [TGU Bulletin]. 2007, No. 305, pp. 20–22. (In Russ.)
6. Tikhomirova, Iu.A. *Strategii adaptatsii poeticheskogo teksta i fenomen perevodcheskogo mifa (na material perevodov I.I. Kozlova)* [Strategies of Adaptation of Poetic Text and the Phenomen of Translation Myth (Based on the Material of I.I. Kozlov's Translations)]. *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin]. 2012, Issue 3 (118), pp. 165–169. (In Russ.)
7. Kozlov, I.I. *Goodnight. Dobraya noch. Iz Bajrona* [Good Night. From Byron]. *Severnnye cvety* [Northern Flowers]. St. Petersburg, 1825, pp. 269–273. (In Russ.)
8. Belinsky, V.G. *O tvorchestve I.I. Kozlova* [About the Work of Ivan Kozlov]. *Otechestvennye zapiski* [National Notes]. 1841, No. 2. Vol. XV, pp. 312–320. (In Russ.)
9. *Pesni rodiny, ili Polnyj russkij narodnyj pesennik, soderzhashchij v sebe: pesni, romansy i vodevil'nye kuplety* [Songs of the Motherland or a Complete Russian Folk Song Book Containing Songs, Romances and Vaudeville Couplets]. Compl. A.I. Golovin. St. Petersburg, Izdanie V.G. Shataeva Publ., 1884. 63 p. (In Russ.)
10. *Novejschij russkij pesennik: Sbranie luchshih I ljubimejschih romansov, shansonetok I kupletov, ispolnjaemyh na scenah teatrov, v klubah i v domashnem krugu* [The Newest Russian Songbook: a Collection of the best and most beloved Romances, Chansonnettes and Couplets]. St. Petersburg, Rus. skoropech. (P.S. Nahimova) Publ., 1877. 67 p. (In Russ.)
11. Yadrintsev, N.M. *Russkaia obshchina v tiur'me i ssylke* [The Russian Community in Prison and Exile]. Compl., Foreword and Comments by S.A. Inikova. Ed. O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2015. 752 p. (In Russ.)
12. Dostoevsky, F.M. *Zapiski iz mertvogo doma* [Notes from the Dead House]. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t., T. 4* [The Complete Works in 30 Vols. Vol. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, p. 111. (In Russ.)

REFERENCES

1. Moisevich, V.G. *I.I. Kozlov – perevodchik britanskikh poetov: dis. ... kand.fiol. nauk: 10.01.01* [I.I. Kozlov – Translator of British Poets: PhD]. Omsk, 2006. 231 p. (In Russ.)
2. Dostoevsky, F.M. *Zapiski iz mertvogo doma* [Notes from the Dead House]. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t., T. 4* [The Complete Works in 30 Vols. Vol. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, p. 111. (In Russ.)

13. *Prosnjotsja den krasj majoj (protjazhnaja pesnja), ispolnitel i avtor zapisi ansambl starinnoj kazachej pesni "Kazachja sprava"* [The Day of my Beauty will Wake up (Along Song), Performers and the Author of the Recording of the Ensemble of the Old Cossack Song]. Volgograd, 2019. *Oficialnaja videostranica ansamblja "Kazachja sprava"* [The Official Page of the Cossack Ensemble "Kazachja sprava"]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9zd8kQ7r2jQ> (In Russ.)
14. Kabanov, A.S. *Struktura pesennogo repertuara v traditsionnykh folklornykh kollektivakh donskikh kazakov* [The Structure of the Song Repertoire in the Traditional Folklore Groups of the Don Cossacks]. *Repertuar khudozhestvennoi samodeiatel'nosti: sovremennost traditsii* [The Repertoire of Amateur Performances: the Modernity of Traditions]. Sb. nauch. tr. Vyp. 127 [Proceedings. Issue 127]. Moscow, NIIK Publ., 1983, pp. 131–157. (In Russ.)
15. *Poslednij den krasj moej (liricheskaja pesnja), ispolnitel i iavtor zapisi tvorcheskoe objedinenie "Arepej". Selo Ratchino, Dobrovskij rajon, Lipeckaja obl. Zapis ijunja 2020 g.* [The Last Day of My Beauty (Lyric Song). The Performers and the Author of the Recording Arepey Creative Association. Ratchino Village, Dobrovsky District, Lipetsk Region. June 2020 Entry]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jExts4aPhv8> (In Russ.)
16. *Prosnjotsja den krasj moej, ispolnitel kazachij semejnyj ansambl "Sokol". Hutor Mryhovskij, Rostovskaja obl., avtor zapisi Aleksandr Matochkin. Zapis aprelja 2017 g.* [The Day of my Beauty will Wake up. The Performer is the Cossack Family Ensemble "Sokol". Farm Mrykhovsky, Rostov Region; the Author of the Recording is Alexander Matochkin. April 2017 Entry]. *Soobshhestvo "Ladno-Horoshho"* [Online-Community "Ladno-Horoshho"]. URL: https://m.vk.com/wall-48536705_9601 (In Russ.)
17. Subbotin, S.I. *Kommentarii* [Comments]. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works in 7 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995. Vol. 2. *Stikhotvoreniia (Malenkie poemy)* [Poems]. 1997, pp. 255–461. (In Russ.)
18. *Pesni altajskikh kazakov: pesni s. Tulata Charyshskogo rajona i s. Sljudjanka Ust-Kalmanskogo rajona Altajskogo kraja, avtor zapisej i sostavitel V.M. Shhurov. Zapisi 1966 g. (s. Tulata, № 1–19) i 1977 g. (s. Sljudjanka, № 20–27). Audio CD-R, 2010* [Songs of the Altai Cossacks. Songs of the Village of Tulat of the Charyshsky district and the Village of Slyudyanka of the Ust-Kalmansky District of the Altai Territory. Author of Recordings and Compiler V.M. Shchurov. Records of 1966 (Tulata Village, No. 1–19) and 1977 (Slyudyanka Village, No. 20–27). Audio CD-R, 2010]. *Kraevedcheskij almanah "Charyshskoe"* [Local History Almanac "Charyshskoe"]. URL: <https://charysh.1553.ru/muzyka/diskografija/audio-cd-r-2010-pesni-altajskih-kazakov> (In Russ.)
19. Veselovsky, A.N. *Russkie perevody Bairona* [Russian Translations of Byron]. Byron D.-G. *Sochineniia* [Works in 3 Vols.]. St. Petersburg, Izdanie Brokgauza-Efrona Publ., 1903, pp. 582–601. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 11 апреля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 апреля 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on April 11, 2022

Revised on April 25, 2022

Accepted on April 29, 2022

Date of publication: June 30, 2022